ЭДВАРД ВОЙНИЛЛОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

УЗОР АЙЦА, ФУНДАТАР І МЕЦЭНАТ ПАБУДОВЫ КАСЦЁЛА СВ. СЫМОНА І СВ. АЛЕНЫ, А НАШ СУАЙЧЫННІК ЭДВАРД ВАЙНІЛЛОВІЧ, НЯХАЙ ВЕРНЕЦЦА Ў СВОЙ ХРАМ!

Продолжение, начало в № 7

В начале XIX ст. вместо старого деревянного дворца был построен с мансардами и двумя башнями, как это видно из хранящегося в архиве старого плана, каменный дворец. В парке строились беседки для оркестра, насыпались искусственные острова, устанавливались голландские ветряные мельницы, гроты и лабиринты, ибо все это было в Аркадии или Альбе … После смерти бабушки все это пришло в запустение, остались только долги, которые следующие поколения должны были выплачивать. Бабушка Теофилия умерла, будучи в разводе с мужем, и похоронена в Слуцке. Насколько мне известно, у нее был характер далеко не положительный. Надо сказать, что семья Одинцов в последней своей линии была удивительно неуравновешенной, невыдержанной, хотя и очень интеллигентной.

В имении Савичи в самом парке стояла и стоит в настоящее время церковь, когда-то униатская, сегодня – православная. Не могу обойти молчанием то возвышенное неповторимое чувство, которое вызывал звон ее колоколов в праздники. Во время Пасхальных резурекций колокольный звон дополняли залпы из орудий, паливших из больших сеней нашего дворца. При колокольном перезвоне выносили на вечный покой владельцев этой земли… Эта церковь и часовня – филиал в Пузове даже когда-то имели папские привилегии, и отец мой вспоминал о том, что, выезжая из дома в Слуцкие школы, всегда заходил в плебанию, находящуюся в четверти версты за парком, при этом никогда не забывал угостить пряниками учеников. Последним приходским священником-униатом был ксендз Савич, после кассации Унии в 1839 г. направленный в Жировичский монастырь. По рассказам отца, летом, во время праздников торжественная процессия выходила из церкви и следовала в парк, где находились украшенные алтари. Землевладельцы не только участвовали в Богослужениях, но часто крестили своих детей и венчались в церкви, а некоторые были даже захоронены в подполах церкви. **Возможно, эта местная традиция повлияла на то, что в нашей семье никто из ее членов не был одержим религиозным фанатизмом, особенно по отношению к восточному обряду.** Мы охотно бывали в церкви на венчаниях, на похоронах, занимая предлагаемые почетные места, как всегда, с ковриком под ногами и отдельными креслами.

В 1846 г. моей бабушки уже не было в живых: дед Антоний, вдовец, из-за болезни ног передал все хозяйство сыновьям, поделив его на основании закона, а сам определил свое место проживания в Савичах при годовом доходе с имения Дучево, приобретенного дедом у Грицкевичей.

Деда прекрасно помню. Умер он 12 октября 1855 г., прожив 84 года. Он был главой в доме, всем управлял и все подчинялись его распорядку. Так как утром он поднимался поздно, завтрак должны были подать в 12.00, обед – в 17 часов, как к этому он привык в городе во время своей службы. И если он опаздывал, то тростью, без которой он уже не мог ходить, придерживал стрелки часов, чтобы позже 12.00 не садиться за стол. Дедушка имел личного лакея, кучера, карету и четыре белогривых лошади. Дважды в год он отправлялся в дальнюю дорогу – навестить родственников, живущих возле Минска: Костровицких

в Новоселках или Хмаров в Семкове. Когда возвращался, то разрешал внукам в карете объехать вокруг газона. Все эти приятные подробности остались у нас в памяти. В его спальне к одной из стен было пристроено что-то похожее на коридорчик, отделенный лестницей с поручнями, опираясь на которые, дед, ежедневно несколько раз в день, громко считая ступеньки, проходил вместо прогулки, так как целыми днями просиживал в своем архиве в соседней комнате, постоянно закрытой и в которую мы, испытывая огромное любопытство, впервые вошли после его смерти. Там была и библиотека из Пузова с большим количеством томов в кожаных и пергаментных переплетах, которую после смерти деда мой дядя Тадеуш, Слуцкий маршалок, как старший среди сыновей взял себе, и которая, к сожалению, сгорела вместе с его домами в Слуцке.

Дед мой умер во сне на большой кровати, отделанной бронзой – приданое Моравской, сестры «Пане коханку» – что досталась нам из Зауша по завещанию вместе с огромным шкафом и некоторыми другими вещами. Похоронен дед в Тимковичах в фамильном склепе под главным алтарем. Дед имел трех сыновей. Старший – Тадеуш (в память о Тадеуше Костюшко) служил в Литовском корпусе под командой великого князя Константина. После возвращения домой сразу был избран маршалком Слуцкого уезда и находился на этой должности более 20-ти лет. Второй сын – Адам (в память о Чарторицком) – был граничным судьей Слуцкого уезда. Третий сын Александр служил в армии и после Турецкой войны 1829 г. пропал без вести, что дало повод для появления самозванцев, которые имели претензии к братьям.

Мой отец Адам родился в 1806 г. После окончания школы в Слуцке, которую содержали кальвинисты во главе с суперинтендантом Вановским, окончил Виленский университет в пору его процветания. Во время учебы проживал у своего дяди Ивана Войнилловича, члена т.н. «Радзивилловской Комиссии» в Вильне. Ян был женат на графине Gunther v. Hildesheim (Гильдесгайм) родом из Волоткевичей. Брат жены Ивана Адам Гюнтер был женат на дочери Тузенгаузена, и в доме дяди собиралось самое изысканное виленское общество, где мой отец приобщался к культуре и манерам высшего света.

Окончив учебу в Вильне и возвратясь домой, он был вовлечен в общественную работу. Тяжелый труд на земле в своем хозяйстве, (а дед уже испытывал недомогание), жизнь не по средствам и расходы, связанные с управлением имением родителей, требовали напряжения сил. Добросовестным исполнением своих обязанностей, благородством характера, при эрудиции и воспитанности, которую давала виленская Альма-Матер своим воспитанникам, Адам снискал общее признание и уважение в обществе. Не было ни одного положительно и мирно разрешенного суда, которым бы не руководил Адам, а его мнение было настолько значительным, что, когда произошло недоразумение при продаже огромных борисовских владений в 1857г. князем Левоном Радзивиллом князю Николаю (на основании государственного сасского контракта), мой отец был приглашен арбитром.

Работа моего отца Адама в Финансовой комиссии была успешной, почти все постройки в поместье были возведены по его планам и им самим построены, луга и поля осушены, долги в значительной степени выплачены и эта работа в молодые годы его так увлекла, что только в 40 лет он подумал о вступлении в брак.

И с Божьего благословления первый год после женитьбы наградил его потомством: умирая 22 декабря 1874 г., он оставил одного сына Эдварда, вступившего в брак с Олимпией Узловской и четырех дочерей. Михалина была замужем за Оттоном Хорватом, маршалком минской губернии, Мария – за Ксаверием Бельским владельцем имения Отечино Кобринского уезда, Габриэля – за Юрием Могильницким. Их имение Филипповичи Слуцкого уезда, было конфисковано, а они за участие в движении 1863 были сосланы в Сибирь. После возвращения из Сибири приобрели имение Березовец в Красноставском уезде. Последняя дочь Ядвига была замужем за Вацлавом Костровицким из Грицковщизны Минского уезда. Затем она с семьей обосновалась в Минске.

Семья была большая, а материальные условия, если не трудные, то, во всяком случае, ограниченные, к тому же мама моя из большого богатства Ваньковичей получила только 10 000 рублей. Только благодаря огромному трудолюбию моего отца и заведенному безукоризненному порядку в хозяйстве, дети смогли получить отличное воспитание и дать дочкам необходимое приличное приданное, такое, что, когда в 1874 г. отец умер, мне не хватило только 10 000 рублей для выплаты, причитающихся маме и сестрам. Но вскоре я смог осуществить выплату, продав пустыри в деревне Братково. Как я уже говорил, у отца были трудности в самом начале работы по хозяйству. Всю жизнь он очень боялся долгов, и когда с ними расплатился, начал собирать капитал на приданое для дочерей.

Ксёндз Владислав Завальнюк

Продолжение следует